

Лесли Мэримонт

Робкое дыхание

Лесли Мэримонт

Робкое дыхание

1996

Мэримонт Л.

Робкое дыхание / Л. Мэримонт — 1996

Старший брат Георгоса Павлиди, умирая, взял с него слово не оставить без поддержки Иви, его любимую женщину, и дать свое имя ребенку, которого она ждала. Георгос выполнил эту просьбу Молодая красивая женщина и мужественный темпераментный мужчина оказываются под одной крышей, связанные узами фиктивного брака. Нельзя безнаказанно подносить горящую свечу к пороховой бочке – она взорвется. Вспыхнули и сердца наших героев, поначалу нагромоздив между ними горы недоразумений, непонимания и подозрительности. Воистину таинственный и непостижимый путь пролегает менаду сердцами мужчины и женщины.

Содержание

1	6
2	12
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лесли Мэримонт

Робкое дыхание

Иви навсегда запомнила их первую встречу, когда она, плача и спотыкаясь, прибежала в старый сад за пустующим соседним домом, рухнула в прохладную мягкую траву под старой яблоней и рыдала, рыдала, пока слезы не кончились.

Тогда и услышала она над собой приветливый мягкий голос:

– Что же могло случиться, красавица, чтобы так плакать? Ну-ка сядьте и поделитесь вашими горестями с дядюшкой Леонидасом.

Она подскочила, готовая бежать из сада со всех ног, но сидящий за мольбертом человек совсем не напоминал любителя молоденьких девушек. На нее смотрели приветливые серые глаза человека, которому основательно перевалило за тридцать, мягкие каштановые волосы у него уже начали редеть. Улыбался он ласково, понимающе, и душа ее рванулась ему навстречу. Иви не обманулась. Он стал ее спасителем, рукой судьбы и не только удержал от отчаяния, но и щедро одарил, впустив в свой мир – мир музыки, поэзии, живописи. Этот мягкий добрый человек стал для нее самым главным, самым любимым. Он должен был стоять сейчас рядом с ней, он, а не это – чудовище...

1

– Иви, ты готова?

От этого вопроса, заданного тихим голосом, ей стало страшно и холодно. Глубоко вздохнув, она оборвала поток воспоминаний и перестала смотреть невидящим взглядом на все удлиняющиеся тени за окном спальни.

Нужно подумать о выражении лица. Невесте в день свадьбы полагается быть счастливой, а она не может справиться с чувством угнетенности и подавленности.

«Чудовище» – ее будущий супруг – стояло в дверях, заполняя собой весь дверной проем. В прекрасно сшитом костюме-тройке он выглядел весьма впечатляюще. На редкость красивый мужчина с лицом крупной лепки, жгуче-черными волосами и дерзкими голубыми глазами. Но его красота не согревала, скорее, пугала Иви. Вот и сейчас, увидев, как сошлись на переносице красивые темные брови и как окинули ее взглядом сузившиеся всевидящие глаза, она испуганно вздрогнула.

– Ты не стала надевать белое? – резко спросил он.

Покраснев, она поглядела на свой бледно-голубой костюм, который выбрала потому, что юбка в мягкую складку и длинный, до бедер, жакет не подчеркивали уже начавшую меняться фигуру. Костюм дополняла шляпка в тон – маленькая, мягкая, с голубым цветочком сбоку и тонкой, спадающей на лоб вуалью.

Она решительно отклонила совет Риты относительно, белого цвета. Это было бы лицемерие и прежде всего потому, что предстоящая свадьба не символизировала нежный союз сердец. Их брак был следствием обещания, данного у постели умирающего.

– Да, – ответила она, – не стала.

Все-таки она боялась его как маленькая. Иных чувств младший брат Леонидаса у нее не вызывал. В присутствии Георгоса она цепенела, становилась какой-то мокрой курицей и еле ворочала языком. Она даже начала заикаться и, подметив это, перешла, на односложные ответы.

– Ты вправе надеть белое, – проворчал он. – Если кто в чем и виноват, так только мой брат.

Она вспыхнула, темно-карие глаза широко открылись, вместе с ней негодуя при этом несправедливом намеке. Конечно, Леонидас мог бы сказать ей, что женат, но это ее бы не остановило. Не было ни бессердечного обольщения, никакого злоупотребления ее неопытностью, никакого принуждения. Она сама пришла к нему в постель и сделала бы это еще не раз, если бы могла. Но уже на следующий день Леонидас слег, и через несколько коротких недель его не стало. Она никогда больше его не увидит, а он никогда не увидит своего ребенка... Глаза ее наполнились слезами.

– Не надо плакать, – коротко приказал Георгос, шагнув через всю комнату и извлекая на ходу из кармана пиджака снежно-белый носовой платок. – Сделанного не воротишь. И нечего портить свои милые глазки.

От непривычного в его устах комплимента и ощущения больших теплых рук Иви пришла в смятение. И что еще пугало ее в Георгосе – его размеры. Он был очень высоким, мощно сложенным, с широкими плечами, крепкой грудью и длинными мускулистыми ногами.

У Леонидаса, отличавшегося известной subtilностью, не такого высокого, руки казались изящными, почти женскими. Он не нависал какой-то башней над ее пятью футами двумя дюймами, и она не чувствовала себя рядом с ним маленьким ребенком.

– Сп... пасибо. – Она приложила платок к глазам, голос и руки у нее дрожали.

– Почему у тебя всегда такой вид, словно ты до смерти меня боишься? – проворчал Георгос.

За раздражением в его голосе проскользнуло что-то, заставившее Иви глянуть на него сквозь мокрые ресницы. Но жесткие голубые глаза были отчужденными и холодными.

– Н-нет, я не-не... – прошептала она, однако хриплое заикание опровергало ее слова.

Возможно, этот человек и заслуживал лучшего, чем ее необъяснимая нервозность, возникавшая всякий раз, как он оказывался от нее в пределах метра. После смерти Леонидаса он вел себя с ней просто безупречно – поселил в своем доме, обеспечил всем, что только она могла пожелать, и даже велел своей секретарше подружиться с ней, чтобы она не скучала по женскому обществу.

А сейчас он готов дать ей то, чего не смог бы никто другой, – свою фамилию. Ей и ее ребенку. Фамилию ее любимого Леонидаса.

Ей следовало бы ответить на это благодарностью, а не страхом. В конце концов, он же ничего от нее не ждет. Брак формальный и впоследствии будет расторгнут.

– Тогда улыбнись, – скомандовал он.

Кривая улыбка показала, что актриса из нее неважная. Георгос вздохнул, улыбка Иви тут же угасла, она снова почувствовала себя несчастной. Слезы предательски блеснули у нее в глазах.

– Пошли. Нас ждут люди. – Чужие пальца на ее руке были такими же твердыми, как и голос.

– Люди? Но я думала... мне казалось... – Она насторожилась.

– О Господи, да ты меня не так поняла. Люди – это не значит толпа. Всего лишь мать, Янис, Рита, Эмилия и тот, кто будет совершать церемонию. О'кей? – с преувеличенным терпением спросил он.

Ее глаза ответили, что до этого далеко, но она согласно кивнула.

– Так идем?

– Идем, – покорно согласилась она, сумев выговорить это без запинки, что, к ее удивлению, вызвало у него такую же досаду, как ее обычный лепет.

Тут до нее дошло, что брат Леонидаса воспринимает как тяжкое наказание все, связанное с ней, все, что ее касалось. Он старается скрыть, что разочаровался в ней, его тяготит то незавидное положение, в котором он оказался из-за обещания, данного брату. Оказывается, за усвоенной им холодной отстраненной манерой скрывается обычное раздражение.

Это открытие так огорчило ее, что Иви почувствовала необходимость сказать что-нибудь, пока он ведет ее вниз по широкой лестнице.

– Георгос, – начала она, изо всех сил стараясь не споткнуться на его имени.

Он остановился и посмотрел на нее, чего она совсем не хотела. Взгляд холодных голубых глаз пугал ее так же, как все остальное в нем.

– Что?

Ичи облизнула пересохшие губы и отважно начала:

– Я просто хотела, чтобы ты знал, я ценю то, что ты делаешь сегодня. И... и еще заверяю, что избавлю тебя от своей особы как можно скорее.

Ну вот! Ей удалось все сказать и споткнуться всего один раз. У нее даже хватило сил на улыбку при последних словах.

Только все ее усилия напрасны. Ледяной взгляд стал даже холоднее, если только это возможно. Какая досада! Ничего его не радует, наверное, «как можно скорее» еще недостаточно скоро.

– Я думаю, Иви, когда Леонидас взял с меня обещание жениться на тебе, он имел в виду нечто более длительное. Он хотел, чтобы ребенок не просто носил его имя, а рос и воспитывался как настоящий Павлиди. Конечно, ты вольна искать себе другого человека, с которым могла бы разделить свою судьбу, потому-то вначале я и предложил развестись после рождения ребенка. Но я не прошу освободить от этих брачных уз меня.

– Но не могу же я оставаться за тобой замужем, – возразила она. – Не... насовсем же!

– Я этого и не предлагаю, а только уточняю, что с моей стороны нет никакой спешки в получении очередного развода. – Он безразлично пожал плечами. – Ты прожила здесь несколько недель и самым превосходным образом вписалась в уклад этого дома. Мать и Эмилия к тебе привязались. Поскольку у меня нет ни малейшего намерения когда-нибудь снова жениться, то пребывай в благословенном укрытии нашего брака столько, сколько захочешь.

Его губы растянула скептическая усмешка.

– Если тебя волнует моя сексуальная жизнь, можешь не беспокоиться. Здесь проблем нет. Я всегда могу, найти женщину. Разумеется, обещаю при этом соблюдать благопристойность и надеюсь на такое же отношение и с твоей стороны, – заключил он более резким тоном.

Глаза у нее округлились от изумления. Правильно ли она его поняла? Он действительно думает, что на четвертом месяце беременности она отправится искать... искать?..

Ее щеки густо залило краской.

– Можешь не волноваться на этот счет, – вскинулась Иви, от гнева ее речь полилась без запинки. – Я любила и всегда буду любить Леонидаса, до самого своего смертного часа. Для меня не существует других мужчин. И никогда не будет существовать!

Нужно было видеть, как он ухмыльнулся!

– Конечно, очень благородное и романтическое чувство, но не слишком реальное. Тебе ведь всего девятнадцать, Иви. Молодая женщина, не достигшая расцвета. Когда-нибудь у тебя появится другой мужчина.

– Но не в ближайшие пять месяцев! – с жаром воскликнула она. – Не знаю, как тебе это пришло в голову. Я ношу ребенка твоего брата!

Их взгляды столкнулись, и на какую-то долю секунды, Иви могла в этом поклясться, она уловила в голубой ледяной глубине нечто темное и опасное.

– Что-нибудь случилось, Георгос? – послышался снизу дрожащий голос.

Они оба посмотрели вниз. У лестницы стояла Алис Павлиди, хрупкая фигурка в сером шифоновом платье, делавшем еще заметнее серый цвет лица и серебро волос. Она обеспокоенно смотрела на них выцветшими голубыми глазами.

– Нет, мама, ничего, – мягко успокоил ее Георгос. – Извини, что заставили тебя ждать.

– Вы как будто спорили, – жалобно сказала она, когда они ступили на персидский ковер, покрывавший черно-белый мрамор холла.

– Иви вдруг подумала, что я захочу развестись сразу после рождения ребенка, – пояснил Георгос. – Я заверил ее, что это не так.

Алис перевела на Иви встревоженный взгляд.

– Дорогое дитя, пусть вас не волнуют подобные вещи. Даже если вы надумаете развестись с Георгосом, все равно вы останетесь здесь, с нами, и мы будем заботиться о вас и ребенке, как того желал бедный Леонидас. Мы уже вас любим, правда, Георгос? Вы стали мне дочерью, которой у меня никогда не было, и сестрой сыну, которой никогда не было у него. Скажи ей, что она должна остаться.

Неподдельное тепло Алис тронуло Иви, но быстрый взгляд в сторону Георгоса подтвердил, что чувств своей матери он не разделяет. Его непроницаемое лицо не обнаружило и малейшего намека на любовь, пусть даже братскую. Она была для него крестом, который он должен нести. Оставалось только надеяться на то, что это жестокое сердце смягчится, когда племянник или племянница появится на свет. Тогда он изменится и к ней – дети способны завоевать даже жестокие сердца.

А ей бы очень хотелось, чтобы Георгос потеплее относился к ней. Он был братом человека, которого она глубоко любила. Ее ранило, что он не испытывал к ней никакой приязни, и она не понимала, почему.

Если честно, то неприязнь была взаимной. Рядом с ним она испытывала дискомфорт. Может, он тоже. Для появления неприязни причина совсем не обязательна. Это может быть инстинктивная реакция.

Если вспомнить, Георгос проявил холодность с первого момента их встречи в больничной палате Леонидаса. Тогда она подумала, что его смутило то, что он застал их в объятиях друг друга, когда вошел. Но теперь она поняла – враждебность между ними возникла сразу же, по крайней мере, с его стороны.

– Я уже сказал Иви, что мы будем только рады, если она останется, – несколько нетерпеливо заметил Георгос. – И что нет нужды торопиться с разводом. А вот с заключением брака надо поторопиться. Брачующий сказал, что в шесть у него другая пара, так что пошли.

Чиновник, проводящий церемонию, облегченно вздохнул, когда они вошли в гостиную для официальных приемов, где должно было состояться бракосочетание. Остальные тоже явно испытали облегчение.

Рита бросила на Георгоса свирепый взгляд, вызвав внутреннюю улыбку Иви. Рита являлась его личным секретарем, но меньше всего напоминала таковую. Она не была ни красивой, ни очаровательной, ни преувеличенно внимательной к своему шефу. Тошная, невзрачная, самоуверенная и очень вспыльчивая, Рита, которая приближалась к пятому десятку, была секретаршей старшего мистера Павлиди до его кончины. Георгос унаследовал её вместе с фамильным делом. Вначале отношения у них были напряженными, но, в конце концов, они пришли к взаимопониманию.

Иви порой поражала манера Риты разговаривать со своим боссом, но и он обращался с ней не лучше, в большинстве случаев хуже. Если бы Иви была секретаршей Георгоса, то ушла бы от него через неделю. Независимость поведения Риты странным образом доставляла Иви тайное удовлетворение.

Переключив внимание с босса на Иви, она перестала хмуриться и заулыбалась, шепча одними губами:

– Ты выглядишь настоящей красавицей. Иви благодарно ей улыбнулась, чувствуя, как теплеет на душе. За прошедшие недели Рита стала ей доброй подругой, и, если бы не ее здравый смысл и советы, она бы совсем сникла. Другая ее опора стояла рядом с Ритой. Хозяйством и порядком в доме управляла Эмилия, и делала это невесть сколько лет. Ее возраста не знал никто, шестьдесят пять было где-то близко к истине, хотя все в руках у нее так и кипело.

Появление в доме Иви она встретила холодком, пока та не дала понять, что не собирается быть бездельницей и обузой. С первого же дня Иви настояла, что сама будет убирать свою спальню и смежные комнаты и помогать ей по дому.

За годы отрочества у Иви набрался солидный опыт такой работы, и она не хотела бы сидеть и бить баклуши только потому, что беременна. Через неделю-другую Эмилия выступила в ее защиту, когда Георгос высказал свое весьма безапелляционное мнение, что Иви «в ее положении» не следует заниматься уборкой.

– Девочка беременна, но не больна! – запальчиво возразила Эмилия. – Когда я носила сына, то работала до тех пор, пока меня не повезли рожать. Поскольку девочка здорова, с ней ничего не случится. А чем, по-вашему, она должна заниматься? Сидеть и красить ногти целый день?

Иви вздрогнула от ее последнего вроде бы невинного замечания, Георгос застыл как оглушенный, хотя глаза его говорили о многом. Он бросил на Эмилию свирепый взгляд и вышел прочь, явно взбешенный. Скрытая торжествующая улыбка Эмилии заинтересовала Иви, хотя она и подозревала, что леди, холившая ногти, скорее всего бывшая жена Георгоса. Иначе почему он так взбесился?

Теперь, стоя бок о бок с ним перед чиновником, совершающим обряд, Иви поймала себя на том, что снова думает о его бывшей жене. О его первом браке она знала только то, что

окончательный развод был получен совсем недавно. Была ли его жена красива? Любил ли он ее так, как она сама любила Леонидаса? А если да, то кто с кем развелся и почему?

Рита пару раз намекнула, что развод нанес ему глубокую рану, из чего следовало, что его вины здесь нет. Может, жена завела роман... Иви трудно было представить, чтобы женщина могла изменить Георгосу. Осмелилась бы. Она украдкой скользнула по нему взглядом: он стоял прямой, как корабельная мачта, квадратные плечи, квадратная челюсть... Ни малейшей слабости ни в теле, ни в лице... Иви понимала, что некоторых женщин привлекает именно такой тип сильных, молчаливых мужчин, но ее тянуло только к людям, наделенным способностью к пониманию и сочувствию.

Леонидас был сплошное понимание и сочувствие. Георгос называл старшего брата глупцом и мечтателем.

В груди у нее защемило, глаза предательски заблестели, и она изо всех сил постаралась собраться. Нельзя распускаться. Она прикусила нижнюю губу так, что боль прервала воспоминания, пальцы судорожно переплелись и сжались.

Большая ладонь Георгоса тепло легла поверх ее рук.

– Мы собрались здесь в этот чудесный сентябрьский день, – услышана она торжественный голос, – чтобы заключить брачный союз между Георгосом и Иви...

Он говорил и говорил, ей были ненавистны эти сентиментальные речи, ненавистно то, как держит ее пальца Георгос, ненавистен он сам. Рядом с ней должен был бы стоять не этот холодный бессердечный субъект, а Леонидас, с его любовью ко всему прекрасному, романтическому, чего он был лишен почти всю свою жизнь. Правда, очень долго она этого не знала. Просветила ее Рита – не сам Леонидас, не Георгос, не Алис Павлиди, которую так потрясла скоротечная болезнь сына, что она впала в полубессознательное состояние. Именно Рита помогла ей многое понять. Первенец супругов Павлиди пошел не в отца, а унаследовал мягкую натуру матери, ее тягу к культуре и изящным искусствам. Подростком он хотел стать танцором, затем художником, но отец с презрением пресек эти увлечения сына как слишком женственные.

Как старший сын Леонидас должен был продолжить дело отца, но он возненавидел все, то относилось к недвижимости, управлению имуществом. Вначале он пытался соответствовать честолюбивым замыслам отца, так старался, что даже женился на дочери другого такого же туза. Детей у них не было, и эта неспособность произвести наследника только усилила дисгармонию его жизни.

И когда после смерти отца Леонидас оставил и семейную фирму, и свою неудавшуюся семейную жизнь, это не вызвало особого удивления. Как и то, что место отца занял Георгос и вскоре добился расцвета фирмы. Он походил на отца не только внешне, но и своей деловой хваткой, устремлениями.

Для фамильного бизнеса уход Леонидаса оказался благом, но не для Алис. Она просто заболела, гадая, где Леонидас и что делает. От него пришло единственное письмо со штемпелем Салоник, где он сообщал, что хочет жить своей жизнью и у него все нормально.

Георгос безуспешно пытался выяснить его местонахождение, не зная, что брат сменил фамилию. Прошло время, и Леонидас сам объявился, возобновил связь с семьей, но счастье тут же сменилось опустошительным горем, вызванным его внезапной болезнью и скорой смертью. Иви черпала некоторое утешение в том, что через пять месяцев сможет положить в руки Алис ребенка Леонидаса. Может быть, тогда эта женщина вновь оживет.

Толчок локтем под ребра вернул Иви к реальности.

– Скажи «да», – прошипел ей на ухо Георгос.

– Да-да, – выговорила она, заикаясь.

– Господи! – послышалось тихое восклицание сбоку от нее.

Георгос выпалил свое «да», словно вынес обвинительный вердикт. Настал момент, когда по ходу обряда прозвучал призыв ведущего:

– Можете поцеловать свою жену. Услышав его, Иви бросила на Георгоса тревожный взгляд.

Этого еще не хватало, но что делать? Присутствующие знали, что их брак – липа, знали все, кроме ведущего обряд. С тошнотворной улыбкой он объявил о том, что теперь они одно целое. Похоже, Георгоса тоже смутила необходимость традиционного поцелуя, но выхода не было – он повернул ее к себе лицом и наклонил голову.

Иви внутренне напряглась в ожидании холодного прикосновения его рта, но губы, прижавшиеся к ее губам, оказались неожиданно теплыми. Ресницы ее беспокойно затрепетали, губы слегка задрожали под его губами. Какую-то секунду он смотрел в ее изумленное лицо, что-то сверкнуло в его холодном взоре.

И тогда он поразил ее по-настоящему;

Он поцеловал ее еще раз.

2

Иви возмутилась. Да что он думает, навязывая ей второй поцелуй? Разве не ясно, что она вообще не желает, чтобы он ее целовал?

Но когда эти решительные губы вновь прижались к ее губам, поразительное открытие начисто смело ее возмущение: ей было очень приятно.

Да нет, конечно, мне это не нравится, уговаривала она себя несколько сумасшедших секунд.

Георгос не торопился прервать поцелуй, напротив, его губы прижимались все настойчивей. Что подумают остальные? Обняв ее за плечи, он притянул ее к себе. Почувствовав, как его язык требовательно стремится вперед, Иви ахнула и резко отдернула голову.

Оказывается, глаза у нее были закрыты. Теперь они распахнулись, пылая праведным гневом, но Георгос уже отвернулся и благодарил проводившего обряд.

– Всегда приятно видеть по-настоящему любящую пару, – тряс он руку Георгоса. – Но, с вашего позволения, нельзя ли сразу приступить к подписанию необходимых документов? Я действительно тороплюсь.

Георгос вновь повернулся к Иви, как обычно, невозмутимый и собранный, зато у нее горело лицо и сердце бешено колотилось в груди. Как он смел? Почему?

Она имела на это только один ответ. Всему виной то огорчение, которое вызвано обещанием, данным у смертного одра брата. А поцелуй, подумала Иви, может быть и выражением гнева, а не любви – оба чувства способны рождать страсти. Это только показывает, что за человек Георгос. Совсем не похож на Леонидаса! Тот никогда бы не поцеловал ее от гнева или сильного огорчения. Да что там, он вообще не целовал ее до той роковой ночи. И даже тогда она первая решилась на это. Правда, он тут же обхватил ладонями ее щеки и покрыл лицо нежными поцелуями.

Глаза ее заволкло туманом при воспоминании о том, как свершились ее чудесные романтические мечты.

– Иви!

Нетерпеливый оклик словно выдернул ее из теплых снов на холод действительности. Голубые глаза яростно сверкали перед ее размытым взором.

– Ч-что?

– О Господи! – мрачно пробормотал Георгос.

– Вам надо подписать брачное свидетельство, госпожа Павлиди, – проговорил рядом с ней учтивый мужской голос. – Все уже подготовлено в кабинете вашего мужа.

Она поглядела через плечо на чисто выбритое приветливое лицо Яниса Филикидиса. Ему за тридцать, и он настолько же ярко выраженный блондин, насколько Георгос – брюнет. Примерно в одно и то же время оба они возглавили свои семейные фирмы. Знали они друг друга еще со школы, и оба отлично учились. Но Янис не отличался ни жесткой деловой хваткой Георгоса, ни его характером. Он был очаровательный, но, как подозревала Иви, немного слабый человек.

Тем не менее приятно было почувствовать на своем плече дружескую ласковую руку. Иви нравилось, как Янис смотрел на нее – с восхищением и уважением. Не то что мнимый супруг, в глазах которого не было ничего, кроме плохо скрытого раздражения.

– Веди-ка лучше ее ты, Янис, – сказал Георгос, насмешливо скривив губы. – Ты, похоже, нашел нужный подход. А ты, мама, помоги Эмилии с закусками, пока мы разделаемся с бумагами. Рита! Вы пойдете с нами, будете свидетельницей... – И зашагал к двери, не удостоив их взглядом.

– Есть, командир! – Рита отсалютовала удаляющейся спине Георгоса.

Иви не удержалась от смешка.

– Учитесь у Риты, – прошептал Янис, ведя ее вслед за секретаршей. – Георгос вас не достанет, если вы этого ему не позволите, Иви.

Она подняла на него изумленный взгляд.

– Но вы же лучше всех знаете, что это не настоящий брак. Мы с Георгосом разведемся сразу после рождения ребенка.

– Это вы сейчас так думаете, не сомневаюсь, но Георгос достаточно привлекательный мужчина. Что, если вы его полюбите? Если он решит, что супруга с вашей внешностью – именно то, что доктор прописал?

Она в недоумении остановилась перед кабинетом и уставилась на Яниса, даже не услышав его последнего замечания, так ее поразило его нелепое предположение, что она может полюбить младшего брата своего Леонидаса.

– Я никогда не люблю Георгоса, никогда!

Янис вдруг нахмурился, устремив взгляд через ее плечо, и, обернувшись, она увидела Георгоса. У него было каменное лицо.

– Как ты думаешь, долго можно тянуть с таким простым делом? – рявкнул он.

– Само собой, – спокойно согласился Янис и жестом пригласил Иви пройти в комнату.

Она заколебалась, раздираемая чувством неловкости и вины. Но почему ей неловко оттого, что ее услышал Георгос? Ведь они уже об этом говорили, и, хотя она допускает, что в каком-то отдаленном будущем снова полюбит, мужчина тот никогда не будет похож на Георгоса. Ее внимание сможет привлечь человек, который даст ей почувствовать, что она хороша, что она особенная, а не тупица и мямля.

– Иви, – пробормотал Янис, подталкивая ее в кабинет.

Пока она шла по узорчатому богатому ковру к огромному дубовому столу, ее догнали воспоминания, напомнив, как впервые предстала она перед этим столом.

Это случилось на следующий день после похорон Леонидаса, в сырое ветреное августовское утро. Она лежала в постели, не имея сил встать. Лежала и слушала, как хлещет в окно дождь, когда в комнату постучала Эмилия и сказала, что Георгос хочет видеть ее у себя в кабинете, когда она встанет.

Смушение и чувство вины заставили ее мигом вскочить с кровати – не дай Бог, брат Леонидаса подумает, что она собирается быть иждивенкой в этом доме. Поспешно приняв душ, она натянула джинсы и персиковый свитер, несколько раз торопливо махнула щеткой по своим длинным волосам, заплела их в толстую косу и буквально слетела вниз по ступенькам – через десять минут после появления Эмилии в ее спальне.

Робко-робко постучала она в дверь кабинета и в ответ услышала далеко не робкое «войдите». Предварительно вздохнув, чтобы успокоиться, она вошла в комнату и осторожно закрыла за собой дверь. Преодолевая гигантский ковер, она беспокойно оглядывалась по сторонам: комната подавляла так же, как и ее хозяин. Обшитые деревом стены, множество книжных шкафов с увесистыми томами, темные портьеры на окнах, почти не пропускающие дневного света. Очень неприветливая комната.

Георгос поднял взгляд от бумаг и откинулся в кресле. Лицо его, выйдя из круга света, падавшего от настольной лампы, и оказавшись в тени, стало более злым, чем обычно.

– Возьмите стул, Иви, – велел он. – Нам надо кое-что обсудить.

– Об... судить?

Он вздохнул.

– Может, будет лучше, если вы сядете и выслушаете меня?

Иви полностью с ним согласилась, презирая свое беспрестанное заикание. Она не могла понять, почему он так на нее действует. Никогда в жизни она не защищалась. Правда, никогда и не сталкивалась с кем-нибудь, похожим на Георгоса.

Она устроилась на краешке большого кожаного кресла, радуясь, что можно помолчать.

– Извините, что потревожил вас в вашем горе. – В резком голосе не было и нотки вины, он даже не смотрел на нее, уткнувшись в какие-то бумаги на столе. – Но есть некоторые вопросы юридического характера, о которых я обязан вас уведомить. По завещанию Леонидаса, сделанному, к сожалению, несколько лет назад, все остается его жене, которая даже не потрудилась прийти на его похороны. – Он поднял глаза и посмотрел на Иви долгим жестким взглядом. – Хотя, возможно, она предпочла не показываться. – Он еле слышно вздохнул. – Как бы там ни было, Леонидас оставил ей все свое имущество, в том числе дом, где они жили и где теперь живет она, а также все, что имеется в этом доме, а также третью часть своего пая в нашем деле. Общая стоимость наследуемого около пятнадцати миллионов долларов.

Иви только ахнула. Так Леонидас был миллионером? Все то время, что она была с ним знакома, он не покупал никакой одежды, сам выращивал овощи, пилил на дрова сухие деревья. Тратил деньги он только на покупку всего необходимого для живописи. Она придумала даже такую игру – что он станет делать с деньгами, когда его признают как художника. Теперь она поняла, почему он не принимал ее игру и говорил, что деньги не приносят счастья. И пусть она никогда не верит, что они могут его дать.

– Мой поверенный проинформировал меня, – продолжал Георгос, – что вы можете опротестовать завещание на том основании, что не менее шести месяцев до его смерти проживали совместно с ним в качестве гражданской жены и ожидаете от него ребенка.

Иви открыла было рот, чтобы возразить против первой формулировки, но передумала. Они ведь действительно жили вместе. Другое дело, что не переступали порога в своих отношениях до той самой последней ночи. И все же... как-то нехорошо опротестовывать его завещание. У него было достаточно времени и возможностей изменить завещание, если б он этого хотел.

В памяти снова всплыли слова Леонидаса о том, что деньги не приносят счастья, и она поняла, что не хочет ничего из тех денег, которые явно сделали его несчастным. Она ничего не сказала – Георгос опередил ее.

– Насколько я вас знаю, – протянул он, – не сомневаюсь, что вы не хотите этого так же, как и я. И потом, его жена не из тех женщин, кто спокойно относится к денежным вопросам. Она откроет целое сражение, и нет гарантии, что вы выиграете дело. Я бы не советовал действовать подобным образом. Леонидас доверил вас мне, зная, что я обо всем позабочусь и вы не останетесь без средств. Я учредил доверительный фонд для вас и ребенка, а в обмен на это вы подпишете официальный отказ от притязаний на имущество Леонидаса и какие-либо другие деньги семьи Павлидн. Как вам это?

Она заколебалась. Было бы безумием отказаться от надежного денежного обеспечения себя и ребенка, и это совсем не то, что борьба за ту совершенно неприличную сумму. Георгос явно ведет речь не о миллионах, а лишь о том, чтобы ей хватало на жизнь. Но ведь это его деньги. Иви совсем не улыбалось быть обязанной ему еще больше, чем сейчас. Бог ты мой, он и так потратил на нее целое состояние, приказав Рите подобрать ей целый гардероб и массу всего прочего. Хотя, как она полагала, Георгос тоже достаточно богат и вряд ли пострадает от этого.

Иви утвердительно кивнула.

– Вот и ладно, – пробормотал он. – На секунду мне показалось, что вы решили снова упрячиться и валять дурака.

Иви покраснела, зная, что он имеет в виду ее реакцию на ценники некоторых вещей, купленных по настоянию Риты. Тогда она в панике бросилась звонить ему в офис, но все ее протесты были досадливо отброшены прочь. Его не восхитила щепетильность Иви, а похоже, просто разозлила.

С тех пор она не противилась распоряжениям Георгоса купить что-нибудь, по его мнению, необходимое. Ее туалетный столик был заставлен баночками с косметикой и флаконами

духов, она их не открывала, как и не трогала дорогое тонкое белье, носить которое каждый день казалось ей просто кошунством. Как будто ее могли интересовать тряпки, когда не стало Леонидаса.

Георгие подался вперед в кресле и прочистил горло.

– А теперь поговорим о нашем браке...

Иви выпрямилась. Вот оно! Самый главный вопрос. Разумеется, он не станет выполнять просьбу умирающего, никто его за это не упрекнет. Все понимают, что перед смертью человеку можно пообещать все, что он просит.

– Если вы подпишете там, где отмечено, – сказал он, протягивая ей лист бумаги, – мы сможем пожениться примерно через месяц.

– Вы хотите сказать... вы все еще хотите на м-мне жениться?

Он наклонился, подвигая к ней документ, и его лицо попало в круг света так, что стали видны жесткие искорки в голубых глазах.

– Слово «хотеть», Иви, тут не подходит. У меня нет выбора. Я не смогу жить в ладу с собой, если не исполню обещания, данного брату, потому что это первый и единственный раз, когда он о чем-то меня попросил. Понимаю, что я не тот мужчина, какого вы бы выбрали себе в мужа, но это будет формальный брак. Позднее мы сможем пристойно развестись.

Ой протянул ей ручку, и у Иви перехватило дыхание. Дрожащей рукой она поставила свою подпись. И теперь, пять недель спустя, у нее так же сильно трясутся руки, когда она подписывает брачное свидетельство.

Покончив с последней подписью, Иви облегченно вздохнула и передала ручку Рите, шагнувшей вперед со своей обычной неколебимой уверенностью. В коричневом шерстяном костюме строгого покроя, отделанном черной кожей, с короткой мужской стрижкой, Рита притягивала людей обаянием сильной личности. Быстро и четко начертала она в нужных местах уверенную подпись, после нее завершил официальную процедуру Янис. И так же быстро и четко.

Иви наблюдала за ними с некоторой завистью. Когда-нибудь она станет такой невозмутимой и собранной, поклялась она. Полностью владеющей собой при всех обстоятельствах.

Ее вздох говорил о некоторой досаде: она-то считала, что из робкой невежественной девочки Леонидас сделал молодую женщину, разбирающуюся в искусстве, способную не растеряться в любом обществе.

Но это была иллюзия. В элегантном великолепии особняка Павлиди она осталась прежней неотесанной провинциалкой, без светских навыков и с полным отсутствием собственного стиля. Рита преуспела в отношении ее одежды, на что получила изрядную сумму, но приятное лицо и хорошая фигура не могли скрыть незатейливости внутреннего мира Иви. Она это понимала, что рождало еще большую неуверенность, а растерянность от хозяйского, почти грубого поведения Георгоса только усугубляла дело.

Если бы он хоть чуточку походил на Леонидаса... Она снова вздохнула, подумав, что никогда не видела столь непохожих братьев.

С формальностями было покончено. Все возвратились в гостиную, где Эмилия еще представляла питье и закуски, которые готовила весь день. Алис стояла неподалеку с потерянными видом.

Рита тут же ухватила рюмочку шерри и предложила Иви. Она отказалась. Янис направился к хрустальным графинчикам, выстроившимся в ряд около закусок.

– Вы очень красивы сегодня, дорогая, – сделала Алис комплимент Иви.

– Хотя голубой не ее цвет, – вмешалась Рита, прежде чем Иви смогла что-то, ответить. – Ей было бы гораздо лучше в кремовом, но Иви сочла, что этот цвет слишком похож на белый.

– Мне понятно ее нежелание надеть белое, – пробормотала Алис. – Если б бедный Леонидас был здесь...

Повиснув в воздухе, ее слова заставили всех замолчать, и горестная реальность происходящего заполнила комнату.

– Тогда не было бы никакой свадьбы, дорогая мама, – сухо бросил Георгос в напряженную атмосферу гостиной.

Все повернулись к нему, Рита опомнилась первой.

– Не слишком честное высказывание, – колко заметила она, – особенно когда его здесь нет, чтобы защититься.

– О, я не сомневаюсь, что он собирался жениться на Иви, непременно собирался, – развивал тему Георгос с той же иронической ноткой в голосе, – но до самой смерти оставался мужем своей жены. И за три года своего отсутствия даже шага не сделал, чтобы получить официальный развод.

– Разве обязательно сегодня говорить об этом, Георгос? – Алис выглядела совсем расстроенной, и сердце Иви потянулось к ней. – Мы все знаем, что Леонидас собирался развестись с этой женщиной.

Но не тут-то было, Георгос не собирался останавливаться.

– И тем не менее он ведь не развелся, а? – протянул он. – И это так на него похоже. Вечно собираться что-нибудь сделать и всегда все откладывать на неопределенный срок.

– Прекрати, Георгос, – затравленно вскрикнула Алис, прижав к горлу трясущуюся руку.

– Прости, мама, но это я подбирал осколки, когда брат сбежал от реальной жизни, чтобы отдаться одной из своих причуд.

Иви коротко втянула воздух, но Георгос продолжал обстрел, видимо, решив подорвать репутацию старшего брата.

– Этот человек так и не стал взрослым, ответственным за свои поступки. Я готов забыть его неудачи в делах, но не в личной жизни. Здесь мне трудно сохранять терпимость. Может, конечно, его жена – вредная корыстная бабенка, но и она не заслужила, чтобы ее оставили, ничего не объяснив. Она три года жила между небом и землей. Леонидас мог бы дать ей развод. А он что делает? Подбирает девчонку, которая чуть не в дочери ему годится, и награждает ее ребенком, зная, да-да, черт подери, зная, что он умирает. Что же это за глупый эгоизм такой, я вас спрашиваю?

Когда он умолк, выпустив последний залп, в комнате воцарилось глухое молчание, воздух прямо-таки завибрировал от общего напряжения, и тут Иви шагнула вперед и отвесила Георгосу крепкую пощечину. Звук удара слился с гулом потрясенных восклицаний. Но она ничего не слышала и не видела из-за ярости, застилавшей ей глаза.

– Никогда, – взорвалась она, дрожа всем телом, – слышишь, никогда больше не называй моего Леонидаса глупцом или эгоистом. Может, он и не был идеалом. Может, он и допускал ошибки, но он никогда бы сознательно не причинил боли другому человеку. А что касается бессердечного награждения меня ребенком, ничто не может быть дальше от истины! Он ни разу не сделал мне неподобающих предложений, даже когда поселил у себя, потому что мне некуда было податься. И это я пришла к нему в постель, когда он был так явно несчастен и подавлен, и постаралась утешить его единственным доступным мне способом. Никто из нас не подумал о ребенке, но знаешь что? Я горжусь тем, что ношу его ребенка, очень горжусь. Он был прекрасным человеком и стал бы прекрасным отцом. Но тем, что я стала твоей женой, Георгос Павлиди, я не горжусь. Не дождусь дня, когда от тебя избавлюсь!

Вся в слезах, она выбежала из гостиной, взлетела по лестнице и промчалась по коридору к своей спальне, где бросилась на постель, отчаянно рыдая в зеленый шелк одеяла.

Внизу, в гостиной, Георгос застыл, глядя ей вслед, с мертвенно-серым лицом, на котором ярко алел отпечаток ее ладони.

– Ну что, Георгос? – поддела его Рита. – Что будешь делать дальше?

– Ступай за ней, старина, – вмешался Янис – Извинись как следует. Выпроси прощение.

– Пожалуйста, Георгос, – взмолилась Алис. – У нее ведь будет ребенок Леонидаса. Он медленно перевел глаза на мать.

– Неужели всю оставшуюся жизнь я должен расплачиваться за сомнительную привилегию по образу и подобию напоминать своего отца? – пробормотал он.

Молчание послужило ответом на это загадочное замечание, и, круто развернувшись, Георгос покинул комнату и, перескакивая через две ступеньки, помчался по лестнице, пока не исчез из виду. Вернувшаяся из кухни Эмилия увидела перед собой три молчаливых натянутых лица.

– В чем дело? – спросила она. – Что случилось?

– Георгос сказал кое-что, расстроившее Яви, – отважилась подать голос Рита.

– Опять! Ну что такое с этим парнем? Неужели он не понимает, какое сокровище эта девушка? Будь у него мозги, ему б ухватиться за нее и привязать к себе крепко-накрепко.

– В жизни все не так просто, – с усмешкой заметил Янис.

– Не вижу, почему б этому и не быть, – сердито пробормотала экономка. – Она красивая девушка. Он красивый мужчина. Они женаты. Почему бы природе не взять свое и всему не пойти естественным путем?

– Да ведь она носит ребенка его брата, – возразила Рита. – Дайте человеку опомниться. Георгосу все это нелегко дается. И потом, Иви до сих пор любит Леонидаса.

– Вы правы, – вздохнула Эмилия. – А я просто глупая старая дура, которой кажется, что все можно увязать розовой ленточкой. И что мы будем делать?

– Я знаю, – сказал Янис, подняв свой бокал с виски и осушив его до дна. – Готов еще повторить;

– Хорошая мысль, – согласилась Рита. – Присоединяюсь.

3

Только когда кровать низко осела с одного бока, Иви поняла, что кто-то пришел вслед за ней, но она и подумать не могла, что там примостился Георгос. Она полагала, что это Рита или, возможно, Эмилия. Только не Алис. Она не из тех, кто борется или утешает. Она женщина мягкая, но очень пассивная.

– Извини меня, Иви, – услышала она неожиданный голос, – оправдать мое потрясающе глупое поведение может только то, что меня возмущали некоторые аспекты жизни брата, перед тем как он заболел. Рад, что ты вывела меня из заблуждения, что он не воспользовался твоей юностью и невинностью. И поверь, я не осуждаю тебя ни за то, как ты поступила с Леонидасом, ни за то, как ты расправилась сейчас со мной. Меня восхищает твое поведение, то, как ты защищала Леонидаса. Думаю, любой мужчина пойдет на все, чтобы получить женщину, которая бы любила его так, как ты, видимо, любила Леонидаеа.

Иви лежала неподвижно, еще не понимая, успокоили ее вроде бы искренние его слова или привели в еще большее смятение. В ее представлении Георгос как-то не вязался с извинениями.

Медленно повернувшись, она увидела такое горестное лицо, что сердце ее внезапно сжалось от раскаяния. Он смотрел в пол, глаз его она не видела, но несвойственная этому человеку понурость головы и плеч зацепила чувствительные струнки в ее душе.

– И ты из-вини, – прошептала она, – что я тебя ударила.

Он поднял голову. Иви ахнула, увидев на его щеке след своей ладони. Она не думала, что ударила его так сильно. Потрясенная, Иви машинально потянулась к его щеке, и, когда ее ладонь коснулась красного отпечатка, с ее губ сорвался виноватый взглас.

– Не надо! – рявкнул Георгос и, стиснув железными пальцами запястье, вернул ее руку на одеяло, отчего Иви оказалась вдруг в полусидячем положении.

При этом шляпка, и так чудом державшаяся на голове, слетела окончательно, большой гребень тоже съехал набок, и блестящие темные волосы волной рассыпались по плечам.

Она попыталась выдернуть свою руку, чтобы поправить волосы, но его хватка не слабела, а глаза так пронизывали ее насквозь, что совершенно сбил ее с толку. Неужели он решил, что она снова его ударит? Но ведь она уже извинилась за все.

Почему он молчит? Почему сидит и так уставился на нее? И почему, о почему, сама она никак не обретет дар речи?

Большая, роскошно обставленная комната словно вдруг съежилась, лишь громада Георгоса нависла прямо над ней единственной реальностью. Его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от нее, до того близко, что куда-то девалась голубизна его глаз. Они превратились в глубокие темные озера, в которых она тонула... тонула...

В отчаянии Иви глубоко вздохнула, но, похоже, для того лишь, чтобы ощутить, как сильно вдруг заколотилось сердце. Огромная рука на запястье сжала его еще крепче, и на какой-то сумасшедший миг Иви подумала, что он собирается поцеловать ее еще раз. Но тут ее вжало в матрас – Георгос рывком поднялся с кровати.

– Не позволяй своему нежному сердцу снова завлечь тебя в беду, Иви. – Он посмотрел на нее с высоты своего немалого роста, сохраняя привычно резкое выражение лица. – Я заслужил, чтобы меня спустили с лестницы, и мог получить сейчас вторую пощечину. В будущем, если тебе придет в голову так коснуться мужчины, постарайся, чтобы кровать была подальше, – мрачно предостерег он. – Не все мужчины святые, вроде Леонидаса.

У Иви округлились глаза, щеки порозовели. Значит, ему и впрямь хотелось ее поцеловать. Но она тут ни при чем. Не думает же он, что она поощряла его к... к... даже подсознательно. От такой унижительной мысли щеки у нее просто побагровели.

Он насмешливо наблюдал за всеми цветовыми переходами на ее лице, потом повернулся спиной к кровати.

– И все равно я прав, – проворчал он, шагая по толстому золотистому ковру. – Леонидаса надо повесить, утопить и четвертовать за то, что он взял тебя под свою крышу. Как всегда, он мало что соображал. Если он не предвидел последствий подобного поступка, значит, мой брат был еще большим романтическим идиотом, чем я его считал!

Взявшись за ручку двери, Георгос последний раз обернулся к Иви.

– Можешь возненавидеть меня за эти слова, но я думаю именно так. Я любил своего брата, но он всегда оставлял за собой следы разрушений. Оставил тебя с ребенком, а меня – в таком положении, которого ни один мужчина не вынесет.

Иви соскочила с кровати, поправляя одежду и отбрасывая назад волосы трясущимися от волнения руками.

– Тебе не обязательно было на мне жениться! – закричала она. – Я и не ждала этого от тебя, ты сам настоял!

– И был глуп, – отрезал он. – Но я не слепой и вижу собственные ошибки. Твое желание будет исполнено. Немедленный развод сразу же после рождения ребенка. Конечно, тебе понадобится отдельный дом где-нибудь поблизости, чтобы мать могла навещать вас.

Но не ты, с ненавистью подумала Иви. Не желаю, чтобы ты меня навещал, мерзкий ты человек!

– А теперь можешь умыться и причесаться, – приказал этот душегуб. – На голове у тебя неизвестно что творится. Жду тебя внизу и побыстрее.

– Но я не хочу...

– Мы все порой делаем то, что совсем не хочется, – отрезал он. – Если ты не придешь, все уставятся на меня обвиняющими глазами и я буду вынужден вернуться и привести тебя в гостиную. Если ты не хочешь сделать это для меня, сделай ради брата. Я думаю, он был уверен, что мать его ребенка будет соблюдать светские приличия в доме и сведет к минимуму детские выходки.

С этими словами Георгос вежливо, но твердо закрыл дверь, оставив Иви глядеть ему вслед.

Детские выходки?

Детские выходки!

Ну, она покажет ему детские выходки!

Ее глаза яростно обежали комнату в поисках чего-нибудь подходящего, чтобы можно было швырнуть.

В пределах досягаемости оказалась только ее шляпка. Она сгребла ее с подушки и запустила в дверь, словно летающую тарелку. Но этот легкомысленный снаряд был слишком легким; значительно не долетев до цели, он приземлился с тихим шлепком. Прошагав к этому месту, Иви мгновение глядела на жалкий комочек и, дав волю безрассудной яростной вспышке, принялась неистово топтать шляпку ногами.

Побуйствовав так несколько секунд, она остановилась с круглыми от ужаса глазами, наклонилась и подняла с пола изуродованный головной убор с порванной вуалью и поломанным цветком. Потрясенно моргая, Иви уставилась на ни в чем не повинные останки хорошенькой голубой шляпки и постаралась справиться с подступившими к горлу рыданиями. Я совсем обезумела, подумала она, просто обезумела. Ничего подобного, остановил ее голос безжалостной честности. Ты просто плохо воспитана и плохо себя ведешь. Георгос прав. Леонидасу сегодня было бы стыдно.

Она чуть не заплакала при этой мысли. Леонидас, добрый, нежный, ласковый Леонидас! Господи, как же его не хватает!

Но не в постели, как могли вообразить обитатели этого дома, с горечью подумала она. Теперь, по прошествии времени, единственный опыт интимных отношений с ним вспоминался как нечто крайне неудачное и незначительное. Да и могло ли быть иначе? Она – девственница, а он – расстроен и нездоров. Не хватало ей другого – привычного общения с Леонидасом, их бесед до глубокой ночи, совместного слушания музыки. Самого его присутствия, спокойного и сосредоточенного, благотворно действовавшего на нее всякий раз, когда подступали тревога и беспокойство.

Прежде всего их отношения представляли собой единение душ, а не единение плоти. Возможно, со временем и при других обстоятельствах и физическая сторона их связи наладилась бы. Тогда она отмела в сторону свои огорчения по поводу того, что первый опыт телесной связи оказался таким коротким и болезненным. Будут и другие ночи, сказала она себе. В следующий раз все будет иначе.

Но не было ни других ночей, ни следующего раза...

Внезапно опомнившись, Иви с изумлением обнаружила, что стоит посреди, спальни и комкает уже совершенно изуродованную шляпку. Да что с ней происходит? Она словно готовый взорваться вулкан. Никогда такого с ней не было. То она при всех закатила пощечину Георгосу, теперь отыгралась на шляпке. Пришлось крепко прикусить нижнюю губу – ее распирало страстное желание заорать во все горло.

Вкус собственной крови заставил ее опомниться.

Приступ бешенства сменился жгучим стыдом. Что бы подумал о ней Леонидас? Надо немедленно успокоиться, сейчас же, сию же секунду. Она замужняя женщина, будущая мать, а не вздорный, непослушный ребенок.

В памяти всплыли слова Георгоса насчет детских выходок – они-то и разъярили ее своей точностью. Она ему еще покажет! С этого момента она станет спокойной и зрелой женщиной, образчиком самообладания. И никаких вспышек гнева, никаких девичьих красок на щеках! И никакого дурацкого заикания!

* * *

Несколько минут спустя по лестнице спускалась совсем другая Иви – собранная, спокойная, лицо ухоженное, густые темные волны роскошных волос прихвачены гребнями. Она спускалась, ступенька за ступенькой, сосредоточившись на своем новом состоянии, пока нога ее не ступила на персидский ковер холла и проблема появления в гостиной не стала неотвратимо близкой. Тут ее самообладание дало заметную трещину.

Что все думают о том ужасном представлении, которое она устроила? Наверняка оно вызвало недоумение и мысли о том, что же бедный Леонидас нашел в этой истеричной глупышке? Скорее всего, жалеют Георгоса, заимевшего нежеланную жену и чужого ребенка. Иви даже застонала от своих мучительных предположений. Ну почему Георгос не позволил ей остаться наверху? Мог бы сказать, что у нее разболелась голова. Эмилия принесла бы ей поднос с едой. Господи, почему ей не дано походить на Риту, которая умеет владеть собой в любой ситуации, не волнуясь, что подумают другие, в том числе ее босс.

Иви готова была силой передвигать ноги через холл к гостиной. Когда она осторожно – слава тебе, Господи! – вошла в открытую дверь, на нее никто не обратил внимания.

Сидя на шелковой парчовой кушетке, Рита прихлебывала шерри и болтала с Алис. Георгос и Янис с бокалами виски стояли у камина, Эмилия хлопотала у буфета.

Она нервно кашлянула, и все посмотрели на нее, перестав делать то, что делали. Она застыла под любопытными взглядами, не в силах сделать ни шагу. Установилось неловкое молчание, и она уже решила покинуть поле боя, когда Георгос подошел к ней, удерживая ее взглядом и не давая двинуться с места.

– Тебе уже получше? – осведомился он в своей обычной хладнокровной манере.

Иви с радостью отметила, что красный отпечаток на его щеке исчез.

– Я в полном порядке, спасибо. – Получилось несколько зажато, но, слава Богу, без всякого заикания. Она облегченно вздохнула. Может, удастся пережить и следующие несколько минут.

– Вот и хорошо. Тогда пойдем, я налью тебе выпить. – Взяв за руку, он повел ее по гостинной.

Вел он ее странно нежно, ничто не напоминало ту жесткую хватку, что была там, наверху. И все же ее сердце отчаянно забилося. Нервы, решила Иви. Она не хотела допустить, что это обычный страх. Ну с чего бы ей бояться Георгоса? Нелепая мысль. Страх следует оставить для врагов, а он ей совсем не враг. И она его вовсе не ненавидит. Просто некоторое время так думала глупенькая девчонка, еще жившая в ней.

И не хочет она, чтобы кто-то думал, будто она его ненавидит. Внезапно решившись, Иви остановилась, выдернула свою руку и повернулась ко всем лицом.

– Я... я хочу вам сказать, – начала она в сильном волнении. – Я... мне... очень неловко за ту сцену, что здесь произошла. И... и за то, что я ударила Георгоса. Я прошу извинения. Нет, Георгос, позволь мне. – Она заупрямилась, когда он, скорчив гримасу, собрался ее прервать. – Я должна это сказать.

Еще раз глубоко вздохнув, она продолжила спокойно и рассудительно:

– Я была совсем не права, поступая так, как поступила. Должно быть, поведение Леонидаса в твоих глазах действительно выглядело немного безответственным, и можно понять, почему ты рассердился на него. Не думаю, чтобы многие братья сделали бы то, что сделал сегодня ты. – На глаза навернулись слезы, но она сдержалась. – Я уверена, Леонидас хотел бы, чтобы я тебе помогала, а не... не прибавляла трудностей в жизни. Я... у меня такое чувство, будто я... подвела его.

В этот момент она уже справилась с собой. Заметив, что она держится из последних сил, Рита вскочила на ноги.

– Что, за ерунда! Леонидас гордился бы тобой сегодня, – твердо заявила она, подойдя к Иви и взяв ее руки в свои. – А, люди?

Все вокруг утвердительно забормотали. Все, но не Георгос, как она с огорчением заметила. Он стоял рядом и хранил стоическое молчание.

– И я уверена, Георгос не держит на тебя зла за то, что ты его малость отхлестала, – с жаром продолжила Рита. – Это не в первый раз дама дает ему отведать своей ручки, – насмешливо добавила она.

– Я знаю одну женщину, которой просто необходимо отведать с тыла руку некоего мужчины, – пробормотал он себе под нос так, чтобы слышали только Иви и Рита.

Этот обмен репликами до того озадачил Иви, что она обо всем забыла и уставилась на Риту, которая, похоже, обрадовалась, увидев на губах шефа суховатую незлую улыбку. Иви окончательно растерялась. Они друзья или враги? Она совсем не понимала их отношений.

– Давайте отведем деликатесов, зря, что ли, Эмилия старалась? От одного взгляда на них прямо слюнки текут, – продолжила Рита. – Я уже не могу терпеть.

Некоторое время вечер шел достаточно гладко. Эмилия наготовила множество закусок, которые не требовали ни вилок, ни ножей и которые можно было есть стоя или сидя с маленькой тарелочкой на коленях. Разговор крутился в основном вокруг потрясающе вкусного угощения и затянувшейся дождливой погоды – обе темы вполне безобидные.

Напряжение этого дня не прошло даром: Иви почувствовала, как в лобной доле возникла и начала разрастаться боль. Янис предложил ей бокал красного вина, она с готовностью взяла его и присела на кушетку, откуда только что встали Алис и Рита. Она потягивала мелкими глоточками вино и чуть заметно улыбалась, вспоминая те вечера, когда они с Леонидасом сидели

у камина или на заднем крыльце, прихлебывая дешевый кларет, и обсуждали книгу, которую она только что прочитала.

Память унесла Иви совсем в другой мир, и она вздрогнула, когда Янис спросил, о чем она задумалась. Как ему ответишь? Янис никогда не поймет, что они пережили с Леонидасом, что она испытывала к нему. В его глазах, как и в глазах Георгоса, Леонидас был неудачником, невзрачным лысеющим тридцатилетним бедолагой, который не имел никакого права на любовь молодой хорошенькой девушки.

Она видела, как всех шокировал ее приезд в Павлиди-холл, где ее представили как фактическую жену Леонидаса. Даже его мать не могла скрыть удивления, хотя Леонидас был ее любимым сыном. Сообщение о ребенке встретили таким красноречивым молчанием, что Иви поняла: его даже не считали в достаточной степени мужчиной, способным стать отцом.

Что ж, они ошибались, не так ли? – вызывающе подумала она, сцепив пальцы на чуть округлившемся животе. На следующей неделе она сходит на ультразвук и будет знать, мальчик это или девочка. Хорошо бы мальчик и похожий на Леонидаса.

– Я вижу, вы не настроены на легкую болтовню, – шепнул Янис. – Я только хотел сказать, что считаю вас молодцом и надеюсь, все будет хорошо. Но если получится что-то не так и понадобится плечо, чтобы на него опереться, знайте, у вас есть такое плечо. Только позовите меня.

Иви благодарно ему улыбнулась.

– Вы очень добры, Янис. Я это запомню. Спасибо вам.

Янис потрепал ее по руке и встал, едва не задев при этом плечом Георгоса.

– Уже уходишь, Янис? – каким-то бесцветным голосом спросил он.

Слегка ошеломленный Янис взглянул на часы.

– Нет еще, – ответил он. – Я собирался налить себе еще бокал.

– Иви уже хватит, – распорядился Георгос, глядя на ее опустевший бокал.

– Может, это ей решать?

Иви думала то же самое.

– Георгос, – подошла к ним Алис, сглаживая этим неловкость момента, – почему бы тебе не поставить какую-нибудь музыку? Что-нибудь приятное и успокаивающее. Моцарта, пожалуйста. Вам ведь нравится Моцарт, Иви? Вы его позавчера слушали.

– Моцарта я обожаю, – призналась Иви. – Это любимый композитор Леонидаса.

Алис тоскливо вздохнула.

– Конечно... Знаете, я давала ему слушать Моцарта с самого рождения, он всегда засыпал под его музыку.

– Под Моцарта кто хочешь уснет, – проворчал Георгос, с явным раздражением направляясь к стереопроектору.

– Не обращайтесь на него внимания, – прошептала Алис, усаживаясь с ней рядом. – Он всегда немного ревновал меня к Леонидасу, даже непонятно отчего. Бедный мой сын не обладал достоинствами своего брата. Он рос очень болезненным ребенком, а Георгос даже не простужался. Сколько бессонных ночей просидела я у кровати Леонидаса, особенно когда у него была астма.

Иви подумала, что, возможно, Георгос испытывал ревность не к самому Леонидасу, а не к тому, что вся любовь и внимание матери явно доставались старшему сыну. Иви не имела ни братьев, ни сестер, но она легко представила, как тяжело расти, зная, что тебе предпочитают брата или сестру. Правда, отец Леонидаса выделял младшего сына, так что он видел и любовь, и внимание. Но не материнские.

Раздались первые чистые ноты моцартовского концерта до мажор для скрипки и арфы, и разговоры разом утихли. От выбора Георгоса у Иви больно сжалось сердце, и видения недавних дней живо всплыли в памяти. Бросив взгляд на пустое кресло напротив, она почти увидела

там Леонидаса с запрокинутой головой и полуприкрытыми глазами – он всегда так слушал это произведение.

– Ах-х, – выдохнула рядом Алис. – Какое волшебство... какое блаженство.

От внезапной боли Иви скрипнула зубами, понимая, что не может попросить выключить проигрыватель. Не сдержав легкой гримасы, она глянула в ту сторону и встретилась глазами с Георгосом, который в ту секунду обернулся. Иви потрясла суровая жесткость его лица, с которой он шагнул к ней.

Сочувствия к нему как не бывало. Этот человек сделан из гранита, такие никогда не чувствуют себя обделенными материнской любовью. Или вообще чьей-нибудь, если уж на то пошло. Вряд ли он хоть раз в жизни испытывал чувство, похожее на любовь. Ничего удивительного, что его брак распался. Ни одна нормальная женщина не вынесет жизни с каменным утесом.

– У тебя усталый вид, Иви, – резко заявил он, подходя к ней. – Думаю, тебе пора в постель.

– Да, дорогая, вы действительно выглядите усталой, – согласилась Алис.

Иви решила возразить, но здравый смысл победил. Она и вправду устала, головная боль усилилась. Кроме того, перспектива остаться здесь и слушать Моцарта представлялась ей невыносимой.

– Ты прав. Я действительно устала. Когда Георгос протянул ей руку, она заколебалась, но потом решительно вложила свою ладонь в его. Большая сильная рука сомкнулась вокруг ее пальцев и помогла подняться – очередное напоминание о том, какой он огромный. И высокий. Даже на каблуках приходится запрокидывать голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я провожу тебя наверх, – предложил он.

Иви запаниковала, заикание тут же вернулось к ней.

– Н-нет, я... я... – Она попыталась выдернуть руку, но его пальцы сжались еще плотней.

– Не будь смешной, – прошипел он. – Я тебя не съем. – Обращаясь ко всем, он громко объявил: – Я отведу Иви в спальню, пожелайте ей доброй ночи.

Все попрощались с ней. Рита подошла, чтобы поцеловать ее в щеку, и увидела, как Георгос все еще держит ее руку. Жар смятения заливал щеки и шею Иви. Глаза Риты в ответ округлились, от чего Иви перепугалась еще больше. Она вспомнила, как однажды Рита сказала ей, что мрачная задумчивость Георгоса привлекала немало женщин, находивших его весьма многообещающим и чрезвычайно сексапильным.

Но я не из их числа! – хотела она крикнуть подруге, глазами сигнализируя о своих расстроенных чувствах.

Но эти сигналы цели не достигли, судя по тому, что, когда Георгос повел Иви из гостиной, лицо Риты отразило холодное понимание. Боже мой, неужели она думает, что этот человек меня привлекает? Неужели полагает, будто я хочу, чтобы он держал меня за руку! Может быть, она решила, что я хочу иметь его в своей постели!

На лестнице Иви попыталась освободить свою руку, и Георгос тут же остановился, явно пребывая на пределе терпения.

– Да что с тобой, черт подери? – набросился он. – По-твоему, я чудовище какое-то, и тебе до смерти страшно даже за руку меня держать? Или ты думаешь, Леонидас на небесах сердится на тебя за то, что другой мужчина до тебя дотрагивается и ты это разрешаешь?!

Нет! Как он мог такое сказать! Леонидас не был ни ревнивцем, ни собственником. Никогда!

– Тогда почему ты так меня боишься? – спросил Георгос в полном раздражении.

– Я? Боюсь?

– Да, боишься, – отрезал он. – Совершенно явно. Стоит только подойти к тебе ближе чем на метр, как ты начинаешь трястись и заикаться. Причем только со мной! С другими ты не заикаешься. К тебе возвращается нормальная речь, когда ты в ярости, когда забываешь свой

страх. Рита порой говорит, что я настоящий грубиян, может, частично этим и объясняется твоя реакция. Но должен тебе сказать, Иви, это просто, невыносимо. Совершенно невыносимо!

– И-извини.

– Ну вот, видишь?

Она повесила голову, чувствуя себя униженной и несчастной.

– Нет! Смотри на меня!

Она повиновалась, но глаза ее заволоклись слезами.

Он мучительно застонал.

– Ну вот, снова... Черт, я же не хотел. Правда, Господи, ну не плачь. Я этого не вынесу.

Прежде чем Иви успела возразить, он привлек ее к себе, крепко обнял и погладил по волосам.

– Я не хотел тебя обидеть, – прохрипел он. – Честно. Извини, если я был груб. Но ты не представляешь, как трудно... все это. Господи, если бы ты только не была такой... такой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.